

так же как и Ломоносов, он говорит о возможной справедливой войне, необходимой для защиты родины, олицетворенной в Елизавете:

И любящи тебя народы
 Через огонь, мечи, пучины, воды,
 Во гневе пойдут на врагов
 Отмстят за злобу их сурову,
 Покажут, что за дочь Петрову
 Всяк кровь свою пролить готов.

Характерен конец оды — о процветании государства, наслаждающегося «тишиной»:

Творец всесильною рукою
 Тебя, богиня, да блюдет,
 Часов спокойных с тишиною
 В России да не пресечет.

И опять возвращение к теме Петра:

И купно под своим покровом
 Престол при племени Петровом
 Недвижимо да сохранит.

Отсутствует в оде Поповского тема просвещения и восхваления наук, особенно сильно звучащая у Ломоносова уже в знаменитой оде 1747 года. Эта тема находится во второй оде Поповского 1756 года, о которой будет сказано ниже.

Нужно сказать, что общая тональность оды 1754 года у Поповского не имеет ломоносовской напряженности и гиперболичности образов. Кроме «оного ужаса», уже отмеченного Пумпянским в связи с абстрактностью одического стиля и «алгебраичностью одического языка, у Поповского находим лишь одно-два места в оде 1754 года, характерных для ломоносовского одического гиперболизма.

Россия жалостно рыдает
 И к небу руки простирает,
 Где права, где — гласит — закон.

Этот гиперболизм Поповского полностью совпадает в данном случае с следующим местом из оды Ломоносова 1747 года:

Тогда божественны науки,
 Через горы, реки и моря
 В Россию простирали руки,
 К сему монарху говоря.